

ВЛИЯНИЕ Р. БРАНДТА НА РАЗВИТИЕ УКРАИНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

И.А. Казими́рова

Киев, Институт украинского языка НАН Украины

Терминология – это составная часть метаязыка лингвистики, которая является открытой системой, которая постоянно пополняется в силу необходимости зафиксировать новые свойства объекта.

Цель данной статьи – показать, какое влияние оказали труды Р. Брандта на украинскую лингвистическую терминосистему. Актуальность работы обусловлена пониманием того, что только диахроническая картина развития термина может дать представление о путях развития научного знания, способах его концептуализации, закономерностях номинирования определенного научного понятия.

Материал и методы. Материалом для исследования стала система терминов, употребляемых Р.Ф. Брандтом в его трудах по истории русского языка. Методами – наблюдение, описание, паспортизация терминов.

Результаты и их обсуждение. В исследовании истории лингвистической терминологии неизбежно обращение к лингвистическим источникам так называемого второго типа (С.И. Котков) – грамматикам, словарям, монографиям, статьям и т.п. с целью составления исторического паспорта термина, отражающего сложный путь его становления.

В характеристике лингвистических источников украинской лингвистической терминологии важно отметить их исторически сложившееся своеобразие, связанное с тем, что одна часть Украины была в разные времена под протекторатом Австро-Венгрии и Польши, а другая часть – под протекторатом Российской империи, что не могло не сказаться на качестве лингвистических терминов: с одной стороны, наблюдаем мощное влияние на них русской (церковнославянской) терминологии, с другой – стремление грамматистов привести в процесс терминообразования живую народную струю. Создание объективной картины развития лингвистической терминосистемы требует привлечения в качестве лингвистических источников украинских грамматик, созданных на западных землях, в Галиции, и в той части Украины, которая была частью Российской империи. И.И. Огиенко, создатель оригинального исторического словаря украинских грамматических терминов, по этому поводу замечал: «Украинский язык здесь (на украинских территориях Российской империи – И.К.) не признавался официально, нигде в школах он не преподавался. Поэтому развитие грамматик родного языка, а вместе с тем и грамматической терминологии шло за пределами Украины Российской, в Галиции, где украинский язык издавна был признан официально и на нем велось преподавание науки в школах» [Огиенко 1908: 32]. Наряду с указанным историческим своеобразием развития украинской лингвистической терминологии нельзя не отметить влияние на ее становление т.н. славянских влияний – польской, чешской, сербской и др. лингвистических терминосистем.

В частности, в современной терминоведческой литературе не описан факт влияния на украинскую лингвистическую терминологию российского филолога Романа Брандта (1853–1920) – слависта, педагога, член-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Р.Ф. Брандт, некоторое время работавший в Нежинском историко-филологическом институте князя Безбородко, был учителем Е.Ф. Карского [1]. Влияние ученого на свое становление как филолога и гражданина отмечал А.Е. Крымский, получивший образование в Московском университете, где в то время работал Р.Ф. Брандт.

О влиянии Р. Брандта на развитие украинской лингвистической терминологии пишет И.И. Огиенко: «Проф. Брандт, как известно, в своих трудах употреблял терминологию, отличающуюся от общей российской терминологии, особенно в части, касающейся названий падежей: *назывный, назывникъ, родной, родникъ, давальный, давальникъ* (или *получательный, лучный*), *винильный, винильникъ, зовный, творный, творникъ, мѣстный, мѣстникъ*. ... Эти названия использовали для своих терминов Верхратский и Крымский. ... Метод, форму образования терминов, представленную Брандтом, мы находим и в наших грамматиках» [2, 33].

Заключение. Р. Брандт, будучи русским лингвистом, в своих трудах использовал терминологию, отличавшуюся от общей российской терминологии. Изучение терминов, употребляемых Р.Ф. Брандтом в его трудах по истории русского языка, позволяет пролить свет на многие проблемы в области истории лингвистического терминотворчества.

Список литературы

1. Карский А. Академик Карский / А. Карский // Неман. – 2011. – № 8. – С. 144–177.
2. Огієнко І.І. Історичний словник української граматичної термінології з передмовою про історію розвитку її / І.І. Огієнко. – К.: Друкарня І-ї Київської Друк. спілки, Трьохсвятительська, 5, 1908. – 79 с.

ВОЕННЫЕ ПОВЕСТИ В. АСТАФЬЕВА И В. БЫКОВА: ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

*Е.В. Крикливец
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Писатели-фронтовики В. Астафьев и В. Быков вошли в литературу во второй половине 1950-х годов со своим видением военных событий. Предметом художественного исследования в их произведениях становится внутренний мир героя, движения его души, обусловленные реалиями военного времени. Подобный объект изображения требовал от писателей преодоления схематизма, выхода за рамки соцреалистического метода, расширения нравственно-этической проблематики.

Цель работы – определить специфику художественной системы повестей В. Астафьева «Пастух и пастушка» и В. Быкова «Альпийская баллада».

Материал и методы. Материалом исследования послужили военные повести В. Астафьева и В. Быкова. Изучение прозы русского и белорусского авторов осуществлялось на сравнительно-типологическом уровне, что позволило выявить общность их эстетических подходов к раскрытию военной тематики.

Результаты и их обсуждение. «Современная пастораль» – так В. Астафьев определяет жанровое своеобразие повести «Пастух и пастушка», апеллируя к формальным и тематическим признакам жанра, получившего распространение у сентименталистов и их предшественников. Жанровая специфика повести В. Быкова подчеркнута в названии. Повествование о романтическом чувстве, объединившем двух молодых людей в тяжелые дни войны, белорусский писатель облакает в форму баллады – излюбленного жанра западноевропейских романтиков.

Пастораль в творческой практике В. Астафьева получает новое осмысление. Сентиментальный план повествования постоянно сталкивается с суровой действительностью войны. Противопоставление идеализма и жестокой реальности в повести В. Астафьева выявляется и на композиционном уровне. Названия глав повести «Свидание», «Прощание», «Успение» носят подчеркнуто невоенный характер. Эта иллюзия поддерживается эпитафиями из лирических произведений. Однако первая глава «Бой» и эпитафия к ней настраивает не на лирическое, а на трагическое звучание повести.

В литературоведении XX века балладу часто характеризуют как фабулярное стихотворение. Отметим, что для понимания идейно-художественной концепции повести В. Быкова «Альпийская баллада» важно учитывать тематические признаки жанра. Так, жанр баллады в английской и шотландской литературах XV века отличался преобладанием трагических сюжетов, связанных с несчастной любовью. Характерные черты баллады находят воплощение и в анализируемой повести В. Быкова. В произведении опущены или упомянуты вскользь логические звенья судьбы героев (их довоенные и первые военные годы, их формирование в разных социальных и культурных условиях). Читатель становится свидетелем кульминации событий – трех дней побега, объединивших Ивана и Джулию не только общей целью, общей опасностью, но и взаимным чувством. Трагизм романтических взаимоотношений мужчины и женщины предопределен историческими событиями, на фоне которых зарождается и крепнет любовь героев. Действие (что свойственно литературе романтизма) разворачивается в австрийских Альпах. Антураж трудно назвать типичным для советской военной прозы.

Роль пейзажа в «Пастухе и пастушке» В. Астафьева и «Альпийской балладе» В. Быкова невозможно переоценить. Природа так же, как в предромантической и романтической литературе, становится самостоятельным объектом изображения. Пастораль в творческой интерпре-